

Мой месяц слов

Николай Алешинцев.

У каждого человека свое восприятие природных явлений, свое отношение к смене времен года. Вивальди, например, от переизбытка чувств написал концерт для скрипки «Времена года», а Иван Дмитриевич Полуянов написал замечательную книгу «Месяцеслов», которую вполне можно использовать как настольную для того северного люда, который всегда был связан с природой и зависим от нее.

Я не собираюсь повторять уважаемого писателя. Меня интересует то разнообразие восприятия природы и мира, которое, естественно, у каждого свое и которое

зависит от многих причин, человеку неподвластных. Говоря проще, восприятие мороза у человека, запутавшего в лесу, и человека, лежащего на печке, разное.

Еще в прошлом году в октябре пришлось видеть, как по речному заливу, уже отливающему холодным сабельным блеском, плавают гордые, сказочно красивые лебеди. Увидев меня, они, не спеша, отплыли к середине залива и, разбежавшись, поднялись над водой. Завершив большой плавный поворот, последние улетающие на юг птицы, словно закрыли дверь, отделяя месяцы весеннего возрождения, летних хлопот и осеннего самоутверждения от грустного, но нужного времени, необходимого северной природе для пополнения сил. Неощущимые человеческими чувствами могучие преобразования продолжаются и самой лютой зимой, и обязательно наступит тот миг, когда мир, очищенный, отдохнувший и просветленный вновь возьмется за великую, замечательную работу по возрождению жизни. Вернутся улетающие сегодня лебеди и, развернувшись правым крылом к апрельскому восходящему солнцу, опустятся на синий лед залива. Нет человека на земле, не ждущего весеннего прилета птиц, не радующегося первой проталине и первому веселому цветку мать-и-мачехи.

Радостно весной самому Богу, ведь именно в это время года произошло его воскрешение.

Радостно нам, ведь недаром говорится, что только падающий от усталости знает настоящую цену отдыха. Только пережив лютые холода и суровость северных метелей, можно понять настоящую цену весеннего тепла.

Январь

Привет, Январь, дружище! Ни черта тебе не делается. От заморозки, что ли, такой феномен. Всегда замечаю, ты к Новому году, как огурчик, являешься. Молодец! Будь, как дома. Окошечки изморозью укрась. Где ты таким диковинным рисункам научился? Всмотришься: из других, неведомых нам мест узоры. Наверно, еще планеты есть, где народишко пироги печет да искусствами разными забавляется. Вот бы побывать! Связи родственные наладить. Да это я в шутку! В праздники только боек. В твои холода лучшая планета – русская печь.

Ну, рассказывай! Какой температурный режим подбросишь? В какой декаде? Оломенесь ты переборщик. Не надо так-то. Ладно, наш брат на печи отлежится, а вот птице и зверю – тяжело. Да и в скотных дворах то трубы, то транспортеры лопают. Ты как самый передовой месяц в году это разуметь должен.

Эх, где мои шестнадцать лет! Бывало, на Рождество Христово запряжем в розвальни коней, и... расступись народ, с ума сходи под дугой колокольчик, несись душа в рай! Да не в тот небесный, туда рановато еще. А туда, где милкина изба, воротца, каждым сучком знакомые, окошечко, еще летом побеленное. Но главное – в праздники и будни, и в любой мороз там горячее сердечко ждет, волнуется. Как тут не спешить. По простоте душевной верилось нам, что все скорости, в том числе и космические, нужны, чтоб к женщине, нас ожидающей, быстрее вернуться. Любовь – волшебница, однажды, ощущив ее прикосновение, мы становимся сильнее и добре. И забота уж не только о себе, а и о той, без которой жить невозможно. Бывает, конечно, и в хороший семье морозными долгими вечерами ругнется от «переизбытка чувств», да коротки такие ссоры,

как январские дни. И опять мир во всем мире.

Ты махни соточку, Январушко. Сам знаешь, не злые мы, а уж в Христовы праздники врага стопкой не обнесем. О тебе и говорить нечего, ты после декабря – главный дорожный строитель и уставщик, а, значит, тебе причитается.

Эка невидаль, что в Крещенье льды на реках гулко лопают, деревья стреляют, птицы на лету мерзнут. Другие бы от таких невозможных условий в панику, в рев. А наш народ вывалился на улицу и под гармошку русского пляшет или хороводы водят. Взлетают кони над снежной крепостью, носятся по льду кружала да сани: «Берегись!» Так что никто нас перешить не может.

Отгуляем праздники, и – в работу: лес рубить, назем возить.

Сено еще не все на повити. Дел невпроворот, а ты уж лыжи навострил, февралю малорослому место уступить готовишься. Подожди, дружок, за тобой должок. По какому такому праву в сосняке за моим домом до сих пор не прозвенел серебряный колокольчик малюсенькой сиренькой птички.

Ты положение-то исправь.

Во! Звенит! Спасибо! Я ее слышу. Каждый год этот нежный и робкий звон дает мне возможность поверить в обязательный приход весны. Я даже вижу, как она укладывает вещи, предварительно развернув их и проверив, не побило ли молью, в большой зеленый чемодан. Внимательно осматривает свое зимнее жилище: не забыла ли чего, и садится по обычанию перед дальней дорогой. Немножко нервничает. Платок поправляет, басится. Что делать, все женщины одинаковы. Надо потерпеть. Тогда все доброе и светлое обязательно вернется. Хорошо, когда так-то! Правда, Январь?

Н. АЛЕШИНЦЕВ.